

Часть 2

Издали я слышал звуки от бейсбольного клуба. Затем от футбольного клуба. Затем от команды по легкой атлетике.

Наверное, это была школа. Но мои глаза были закрыты. С чувством, что я что-то упускаю, я проснулся.

Первым, что я увидел после того, как встал, были чистейшие белые простыни. Следующим было...

— Доброе утро... было бы странно сказать, я полагаю. Во любом случае, я рада, что ты проснулся.

Лицо Качи Широкусы, красивой девушки писательницы, отмеченной наградой Akutami, которую знали все в школе.

Лазарет, залитый сумерками.

Ее достойная осанка по-прежнему оставалась красивой и заметной.

— Погоди, я...

— Упал в спортзале, Кай-кун и Мицуру-семпай доставили тебя в лазарет.

Мицуру-семпай? Я собрался спросить, кто это, прежде чем сообразил, что это имя Абэ.

— Где тогда Тэтсухико и Абэ-семпай? И почему ты здесь, Качи?

— Мицуру-семпай отправился домой сразу после того, как привел тебя сюда, Мару-кун. Он сказал, что у него есть дела.

— Понятно.

Услышав, как имя Абэ вылетело из уст Широкусы, я почувствовал себя подавленным. Но пока я решил просто выслушать ее.

— Кай-кун сейчас собирает твои вещи. Что до меня, я осталась, чтобы передать тебе это.

Широкуса достала и протянула мне прозрачный пластиковый пакет.

В нем было около пяти страниц печатных документов. Это был...

— Сюжет, на который ты надеялся, Мару-кун. Ты сказал, что вы хотите выделиться на фестивале культуры, поэтому я думаю, что все получится, даже если вы не будете использовать запланированное время в тренажерном зале. Нет, думаю, будет даже интереснее, если ты вообще не будешь им пользоваться.

Использование тренажерного зала во время культурного фестиваля строго регламентировалось. Необходимо было получить предварительное разрешение в студенческом совете, а время зарезервировать.

Тэтсухико ранее забронировал для нас пятнадцатиминутный промежуток. Затем он предложил мне использовать это время для постановки пьесы.

Но Широкуса говорила, что нам лучше заняться чем-нибудь другим.

— М-могу ли я слегка взглянуть на это?

Я быстро пробежался взглядом по первому листу бумаги. Там был написан обзор, и в нем была именно та информация, которую я хотел.

— Ясно! Мы с Тэтсухико не сумеем привлечь кого-либо лишь своими именами, поэтому лучше использовать «Фестиваль признаний»?

Даже если мы оба устроим зрелищный спектакль по зрелищному сценарию, все будет бессмысленно, если не будет никого, чтобы это увидеть.

— Да. Если вы хотите выделиться, для начала вам нужно сменить сцену. — объяснила Широкуса. — Каждый год на культурном фестивале «Фестиваль признаний» вызывает наибольший ажиотаж. И, так как он является частью церемонии закрытия, каждый студент должен быть там, чтобы посмотреть. Поэтому, у нас нет причин не воспользоваться этим. Стать звездой «Фестиваля признаний» – если вы двое хотите выделиться, это лучшее, что вы можете сделать.

Это было разочаровывающе, но вполне ожидаемо. Это была идея, к которой мы с Тэтсухико не пришли.

— И мы должны захватить «Фестиваль признаний»?

— Да, это и есть суть сюжета, который я написала. Вы с Кай-куном сорвете «Фестиваль признаний», сделав программу своей собственной. Как насчет такого плана?

«Фестиваль признаний» был мероприятием, которое привлекало внимание всей школы. Если мы там выделимся, обязательно станем героями.

Вдруг я услышал приветствия.

Я посмотрел вниз со сцены и увидел аудиторию в вихре возбуждения. По бокам я видел своих коллег-актеров, их улыбающиеся лица покраснели от затяжного волнения.

Чувство удовлетворения из прошлого пронеслось в моей голове.

Теперь я был твердо уверен, что следование плану Широкусы – единственный выход.

— Спасибо, Качи!

В безудержной радости я взял Широкусу за руку.

— А?!

— Это невероятная идея! Я уже вижу, как мы добиваемся успеха, и все благодаря тебе, Качи!

Широкуса сделала кое-что необычное для себя: на мгновение она приоткрыла рот, чтобы усмехнуться, но ее лицо сразу же вернулось к обычному величественному выражению. В то же время она подхватила прядь своих черных блестящих волос у щеки и начала накручивать их на палец.

— Н-ну, конечно. В конце концов, я же написала сюжет.

— Блин, ты действительно настоящий профессионал, Качи! Мы с Тэтсухико ни за что не смогли бы такое придумать!

— Кхм, не надо лести! Я ведь зарабатываю этим на жизнь, так что дело естественное!

Гордость, прямо пропорциональная профессионализму, да? Широкуса высоко подняла свой стройный нос и выставила пышную грудь.

Я перевернул первый лист бумаги, чтобы прочитать вторую страницу сценария.

С первого взгляда я понял, что она писала о «Фестивале признаний» как о декорации. На третьей странице была напечатана упрощенная схема.

— Пока что хватит.

— А...

Широкуса забрала у меня листы бумаги. Я рефлекторно потянулся к ним, но остался прикованным к кровати. Широкуса, которая сделала шаг назад, была намного дальше моей досягаемости.

— Эй, в чем дело? Ситуация только начала налаживаться!

— Мару-кун, разве ты ничего не забыл?

— Забыл?

— Мою награду.

О-о-о, точно. Она действительно говорила о награде.

Да, я имею в виду, Широкуса, в конце концов, была профессионалом. До сих пор я был чрезвычайно впечатлен ее идеями и очень хотел увидеть, что еще она приготовила.

Но награда, хах...

— Знаешь, Качи, ты можешь подумать, что у меня есть много денег на расходы, потому что моего отца никогда нет дома, но...

— А? Чего?

— Родители Курохи – мои родители, когда его нет. Так что мне нечего предложить, разве что немного мелочи.

— Это не то, что я...

— Я заплачу тебе, когда сделаю это!

Я мгновенно вскочил и встал на колени на кровати.

Определить результат, встав на колени до того, как другой человек скажет да или нет! Для меня это был верный способ всегда добиваться своего!

«Это должно было смягчить ее», – уверенно подумал я, ненадолго подняв взгляд, но увидел, что Широкуса смотрела на меня со льдом в глазах.

— Ой...

Это действительно было довольно странно. Широкуса всегда реагировала не так, как я от нее ожидал. Ее реакция всегда была хорошей, когда я думал, что она в плохом настроении, но всякий раз, когда я оставлял свою гордость, как сейчас, ее характер как-то портился... Ну, я никогда не понимал, как читать девичье сердце, поэтому был абсолютно безнадежен, когда дело касалось Широкусы.

— Пожалуйста, прекрати это.

— Хех?

— Если ты способен на подобное, Мару-кун, я думаю, это также означает, что ты достаточно уверен в себе. Даже если это означает, что над тобой будут смеяться или смотреть свысока, ты все равно видишь в себе силы на это. Вот как ты можешь смеяться над собой и делать все эти самоуничижительные вещи, верно?

— Ох, нет. В этом действительно нет ничего такого возвышенного. Я идиот, поэтому лучшее, что я могу сделать, это выдумывать на ходу.

— Я не хочу видеть тебя таким, Мару-кун.

Было ли мое жалкое состояние причиной ее плохого настроения?

Если так, то Широкуса должна была быть...

— Итак, Качи, ты уже знала, что я был актером в детстве, верно? Я услышал об этом от Абэ-семпая.

— Знала...

Плечи Широкусы задрожали.

Что заставило ее так отреагировать? Она рассердилась, или, может быть, расстроилась?

Я не мог сказать наверняка, просто у нее было невероятно серьезное выражение лица.

Думаю, ее ответ действительно означал, что...

— Качи, может быть, ты была моей поклонницей?

Это был единственный вывод, который я мог сделать.

Я не хочу видеть тебя таким, Мару-кун.

Она сказала эти слова, потому что в прошлом была моей поклонницей.

Она показала мне свою улыбку, когда мы были вместе наедине, потому что с самого начала была моей поклонницей.

Она также позаботилась о том, чтобы сначала попросить награду, когда писала сценарий, опять же потому, что она была моей поклонницей.

Наверное, все так и есть. Тот факт, что Широкуса была моей поклонницей, показался мне простым объяснением всему, что произошло между нами до сих пор.

Широкуса несколько раз закрутила вокруг пальцев блестящие волосы, ниспадавшие с ее плеч.

— ... Да. Не стану отрицать, что была.

Мне показалось, что что-то заставило Широкусу говорить сквозь зубы.

Она не лгала, но и не рассказывала всю историю. Так мне показалось.

— Понятно. Во всяком случае, это правда, что тогда ты была моей фанаткой.

— Да.

— Спасибо. За то, что была. Но теперь это давно в прошлом. — прямо сказал я. — Тот ребенок, который мог привлечь внимание публики и заставить многих смеяться и плакать, исчез, оставив после себя обычного старшеклассника. Мне жаль, но ты можешь надеяться сколько угодно, и все равно ничего не произойдет.

Во всяком случае, я упал в обморок после того, как немного сыграл. Она была моей давней поклонницей, но я бы не смог оказать ей даже такую крошечную услугу, если бы она попросила.

— И ты действительно согласен с этим?

Я почесал щеку после вопроса Широкусы.

— Дело не столько в том, согласен я с этим или нет. Правда в том, что я больше не могу сделать ничего существенного. Вот почему, если честно, для меня большая проблема, когда люди хотят копаться в моем прошлом. Потому что я не смогу ничего сделать, чтобы оправдать их ожидания.

— Но ты все еще планируешь выступать вместе с Кай-куном?

— Что ж, может быть, лучше уйти сейчас, раз уж я в обморок умудрился рухнуть. Но я понял, что твои предложения действительно интересные, Качи. Я хочу попробовать.

— Я... понимаю.

— Я вернулся на первый уровень. Нет, учитывая, что я потерял сознание, я, наверное, сделал шаг назад. Тем не менее, кажется очень глупым продолжать хандрить из-за того, что я мог делать в прошлом. Я до сих пор помню, как много удовольствия я получал, когда играл. Так что прямо сейчас, как бы это ни было смущающе, я просто собираюсь попробовать еще раз изо всех сил.

Я широко улыбнулся. Глаза Широкусы расширились, но сама она осталась неподвижной.

Мне показалось, что ее щеки покраснели. Хотя это могло быть лишь отблеском заходящего солнца.

— На все это, должно быть, есть причина, правда?

— Хм? Причина?

— Причина, по которой ты стал таким. Причина, по которой ты остановился.

— О, так вот о чем ты спрашиваешь?

— Если тебе не сложно, я хотела бы ее узнать. Пускай это и будет награда, которую я хочу.

Понимаю. Конечно. Для кого-то, кто был моим поклонником, мое внезапное исчезновение с экранов телевизоров должно было быть трудным даже сейчас.

Это была правда, которую не раскрыли публике, чтобы сохранить Мамину роль в этой драме. Я не думал, что должен скрывать это, если Широкуса никому не расскажет, поэтому, полагаю, было бы неплохо поведать ей, раз уж это сойдет за компенсацию.

— Это то, о чем ты не можешь говорить? — нервно, но решительно спросила Широкуса.

— Нет, я могу. Было бы нехорошо, если бы слухи разошлись, так что...

— Все в порядке. Я никому не скажу. Клянусь Богом историй.

— Кто это, черт возьми?

Был ли Бог историй кем-то, кого могли видеть все авторы?

— Просто как-то один друг мне рассказал. Это очень непостоянный и жестокий бог. Но он отвечает людям, которые много работают и могут быть очень добрыми.

— Оох.

Мне было интересно узнать, кто этот друг, но я не спросил.

— Я никому не расскажу, так что можешь доверить ее мне. Причину, по которой ты ушел на покой, Мару-кун.

— ... Хорошо.

Я кратко рассказал ей. Мне бы не хотелось говорить детально, чтобы вызвать сочувствие, или представлять себя каким-то трагическим героем, поэтому я откровенно рассказал ей историю такой, какой она была.

...

...

— Так вот как это было. — тихонько прошептала Широкуса, выслушав все. — Я наконец-то понимаю, почему никто из участников ничего не сказал.

— Ты ходила и спрашивала их?

Как и ожидалось от красивой девушки-писательницы, получившей награду Akutami и появлявшейся на телевидении. Ее связи были невероятными.

— Я думаю... может, тут уже ничего не поделать.

— А? Что ты только что...

Я закрыл рот прежде, чем успел закончить вопрос. Из глаз Широкусы потекли слезы.

— *Всхлип*

Парень облажался, если девушка плакала.

Очевидно, я должен был извиниться, если сказал что-то плохое, но я этого не делал, не так ли? Что мне тогда нужно было делать?!

— В такие моменты... ты должен ее обнять! — вот что сказал бы Тэтсухико.

Да, возможно, это действительно была моя единственная возможность сделать это. Мне тоже хотелось ее обнять.

— Разве это не потрясающе? Что может быть важнее для человека, чем быть верным своим чувствам? Ты все еще любишь Широкусу! Занимайтесь любовью, а не войной! Любовь спасет мир! Прекрати всю эту мерзкую месть и поторопись обнять ее! — я-ангел на моем плече шептал мне на ухо.

Затем с другого плеча я-дьявол прошипел.

— Ты видел их со сцены, не так ли? Абэ и Широкусу рядом друг с другом. Ты понял это, как только увидел их. Они встречаются. Как думаешь, что произойдет, если ты попытаешься обнять ее прямо сейчас? Тебя отправят в полет, и, начиная с завтрашнего дня, Широкуса будет на миссии по твоему уничтожению. Это также означает, что все узнают о том, что ты попытался ее обнять. Кто знает, может быть, Абэ тоже расскажет об этом. У тебя хватит мужества после этого появиться в школе?

Ой! Силу убеждения дьявола-сана нельзя было не признать! Ангел-сан был полностью побежден.

И все же...

Мне еще раз напомнили. О том, что я действительно плохо справлялся с такими девушками.

Красивые девушки, талантливые, трудолюбивые и достойные моего уважения... это был мой типаж. Не имело значения, были они старше меня или младше. По сравнению с милыми, ищущими внимания девушками, я был гораздо более уязвим для сильных женщин, уверенных в себе. То есть, глядя на них, мне просто хотелось помочь им и воплотить их мечты в реальность, понимаете?

Эх. Если бы я только узнал, что она была моей фанаткой, немного раньше...

Возможно, я смог бы быстрее сократить расстояние между нами.

Я определенно не хотел бы цепляться за свою былую славу, так как я уже перестал быть актером. Но если бы я тогда знал, что у нее есть явная причина для ее привязанности ко мне, я, вероятно, смог бы поговорить с ней гораздо более уверенно. Поскольку она всегда строго относилась к парням, я не мог поверить в доброту, которую она изредка проявляла ко мне.

Что происходит? Было ли это сродни тем чувствам, которые испытываешь, когда снова встречаешься с девушкой, которая раньше нравилась, на встрече бывших одноклассников, и слышишь, как она говорит: «Ты мне тогда нравился»?

Наши пути пересеклись без очной встречи. Наше время закончилось так и не начавшись. Если бы моя судьба сложилась немного иначе, возможно, счастье уже нашло бы путь к моему порогу.

Жизнь воистину полна сожалений.

— Вот...

Широкуса протянула мне временно конфискованный сценарий, при этом скрывая залитое слезами лицо.

— Я получила свою награду, так что...

— Да, спасибо.

Как только я забрал его, Широкуса, все еще не поворачиваясь, встала и направилась к выходу. Но, возможно, из-за того, что она вытирала глаза платком, она немного пошатнулась, ударившись головой о дверь лазарета.

Оказалось, что Широкуса действительно временами была немного неуклюжей.

Не в состоянии подобрать найти нужных слов, я мог только смотреть, как она исчезает.

— Йо, Суехарууу. Я принес твои вещи!

Тэтсухико пришел на помощь Широкусе.

Некоторые называли меня тупоголовым, но даже я знал.

— Ты все это время стоял за дверью и подслушивал, не так ли?

— Вау, как ты это понял? Завтра что снег пойдет?

— Ты действительно думаешь, что я полный идиот?

— И еще какой!

— Я просто скажу это: тебе лучше не распространяться о причине, по которой я ушел на покой. Ладно? В противном случае, это станет настоящей проблемой, и не только для меня, окей?

Тэтсухико почесал в затылке и драматично вздохнул.

— Я знаю, мужик. Даже я понимаю, что я могу говорить, а что нет.

— ... Тогда ладно.

— Но, знаешь...

Тэтсухико перевел взгляд на дверь, за которой так быстро исчезла Широкуса.

— Я думал, что это просто еще одно из твоих заблуждений...

— Ты о чем?

— У Качи действительно есть к тебе чувства, да? Я не мог в это поверить. Честно.

— ... Ты тоже так думаешь?

Тэтсухико кивнул с каменным выражением лица.

Это могло бы показаться серьезным, но...

Плечи Тэтсухико некоторое время дрожали, когда он, казалось, изо всех сил пытался сдержать смех, пока он внезапно не захохотал, глядя в потолок, а затем не издал рев.

— Так тебе и наааадо! Подумать только, ты позволил такой большой рыбе ускользнуть из твоей хватки. Кто ты, если не идиот? Именно поэтому ты все еще дев-ствен-ник, понятно?

— Гррр, Тэтсухико... ублюдок...

— Ох, что ж, какая жалость. Если бы ты или Качи были немного более напористыми в своих действиях, вы двое вполне могли бы стать парой. Но этого явно не произошло, поэтому ее и увели у тебя.

Я изо всех сил стиснул зубы.

Проклятье!

Это приводило в ярость, но Тэтсухико сказал правду. Я виноват в том, что не сделал ход, хотя Широкуса также бездействовала. Так мы и пришли к нынешней ситуации.

— Итак, что же ты будешь делать? Ты по-прежнему собираешься выступить со мной и победить Абэ-сэмпая, верно? Тогда после ты отберешь Качи?

— Нет, я не отберу ее, а заставлю влюбиться в себя! Разве я не должен таким образом отомстить парню, который сокрушил мою первую любовь?! Ох!

Тэтсухико ухмыльнулся, как кошка.

Угх, Куроха была единственным человеком, с которым я говорил об этом. Только что я выпалил это сгоряча.

Тэтсухико положил руку мне на плечо, а я обхватил голову руками.

— Знаешь, я, честно говоря, уже знал, так что тебе не нужно ничего скрывать.

— Меня действительно бесит, насколько хороша твоя интуиция.

— Так что насчет того, что ты «не отберешь ее, а вместо этого заставишь влюбиться в себя»? Я предполагаю, что это предложила Шида-чан, верно?

В моем горле встал ком.

— Как ты узнал?

Честно говоря, очень помогало то, что у Тэтсухико была хорошая интуиция, но то, что мои мысли просматривались в одностороннем порядке, не приносило никакого удовольствия.

— Кроме того, я думаю, что месть, которую ты собираешься совершить, какая-то глупая, и это настолько глупо, что мне неловко даже просто смотреть на это, но...

Я был взбешен безудержной критикой Тэтсухико.

Это правда, что то, что я делал, было глупо. Но я не собирался останавливаться.

Поэтому я открыл было рот, чтобы возразить, но...

— Тэтсухико, если у тебя с этим проблемы...

— Я думаю, можно сказать, что тут ничего не поделаешь, потому что это первая любовь, понимаешь?

Я немедленно заткнулся.

— Это проклятие, поэтому ничего не поделаешь, если ты хочешь отомстить. Я всегда говорю, что женщины – это создания, которые существуют, чтобы обманывать мужчин, но даже я сомневаюсь, что они зайдут так далеко, что разрушат чью-то первую любовь.

Это было неожиданно. Я никогда не думал, что мы с Тэтсухико разделяем одни и те же чувства.

Я не думал, что буду разделять мысли о девушках с парнем, который играет с ними и презирает их. Но даже Тэтсухико думал, что первая любовь – особенная вещь, да?

Будучи отвергнутым, я теперь знал. Первая любовь была действительно особенной.

В смысле, разве это было не потрясающе?! Это было невероятно увлекательно и давало в сто раз больше мотивации! Одна только мысль об этой девушке заставляла вас избавиться от усталости и захотеть отжиматься без всякой причины!

Но так было потому, что это была первая любовь. В следующий раз, когда вы полюбите кого-то, у вас не будет уверенности, чтобы так искренне погрузиться в эти чувства, как ранее.

Потому что до того вы не знали, сколько боли может причинить разлука. Ваша следующая любовь наверняка будет волнительной, со страхом вновь разбить сердце. Вы больше не можете быть ни невинным, ни безрассудным. Возможно, именно так взрослые любили друг друга.

— Кстати, я хочу кое-что спросить у тебя.

— Что же?

— Допустим, у тебя есть ящик с инструментами, способный на что угодно, окей?

— А? Ящик с инструментами?

Я не мог понять слов, которые вылетали изо рта Тэтсухико. О чем он говорил?

— Просто послушай, блин. В любом случае, выглядит так, будто ты также можешь заполучить сундук с сокровищами, о котором мечтал. Однако, если ты возьмешь сундук с сокровищами, тебе придется выбросить ящик с инструментами. Итак, что же ты выберешь универсальный ящик для инструментов или сундук с сокровищами?

— Тц...

Должен ли я понимать это так, что ящик с инструментами, вместе с которым я могу сделать что угодно – это Куроха, а сундук с сокровищами, который я жаждал – это Широкуса?

— Ну, я...

Никаких слов, кроме этих, не вышло. Как только дебаты, бушевавшие у меня в голове, казалось, пришли к логическому выводу в пользу какой-либо стороны, изнутри всплывали голоса противников с новыми возражениями.

— Я...

— Что ж, давай пока это оставим.

Тэтсухико раздраженно пожал плечами.

— В любом случае, Суехару, это действительно было не лучшее время для тебя, чтобы отключаться. Правда же?

— Да.

Тэтсухико бросил мою сумку на кровать.

— Хорошо, пора домой. Все стало немного трудным, так что я хочу, чтобы Шида-чан тоже тебя проведала. Я пойду в ближайший магазин, чтобы отксерокопировать сюжет Широкусы, так что подожди меня, пока я не вернусь.

— Понял.

— Кроме того, завтра у нас будет встреча для обсуждения сюжета, а на следующий день мы начнем практиковаться по-настоящему. До фестиваля культуры осталось всего десять дней. Не время валяться и отдыхать, понятно тебе?

— Само собой.

Убедившись, что Тэтсухико покинул лазарет, я начал звонить с Курохе по телефону.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1234263>